

Длительное время Русь, а затем Россия ориентировалась на византийскую политическую модель, суть которой хорошо передает формула философа К.Н. Леонтьева «царь плюс церковь»¹.

Соприкосновение с западным миром, с католическими странами не проходило бесследно для России. Известно, что тенденция освоения западных реалий отчетливо проступала и при Борисе Годунове, и при Лжедмитрии I, то есть достаточно задолго до петровских преобразований. А при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и царевне Софье эта тенденция усиливается. Наша классическая историография не оставила это без внимания. Так, СМ. Соловьев отмечал, что до «Петра народ повернул к Западу, до Петра начал работать новому началу»².

Задавшись целью создать так называемое регулярное государство, то есть максимально контролируемое и регулируемое, Петр I, конечно же, руководствовался какими-то образцами, примерами, опирался на прецеденты, хотя многое, безусловно, было государство-творчеством и новаторством самого реформатора и его сподвижников.

Еще в старой литературе качественное отличие российского самодержавия XVII в. и абсолютизма XVIII в. было принято обозначать, показывая, как из большой вотчины, где сам царь - это во многом вотчинник, формируется уже иная структура, при которой верховная власть в лице великого государя больше не сливается, как в Московской Руси, с понятием «государство», а дистанцируется от него, поднимаясь по вертикали на целый порядок. В этом и проявляется принципиальная разница в типологии власти при Петре I и во времена сословно-представительной монархии.

По-видимому, не будет преувеличением констатация того, что Кукуй в Москве послужил для Петра I и его команды своего рода микромоделью европейского мира. Именно в Немецкой слободе приметливый и цепкий глаз юного самодержца впервые ухватил черты иного уклада и образа жизни, иную веру и культуру, иной миропорядок. В этом смысле нельзя недооценивать Кукуй как побудительный фактор, стимулировавший предпринять Великое посольство. Современники тогда прямо говорили: «Царь явно сложился с немцами и уехал к ним за границу»³.

Кстати, полуторагодичный выезд русского посольства был первым в истории России дипломатическим визитом и десантом за рубеж на столь высоком уровне. И конечно, непосредственное участие в посольстве самого царя оказалось в высшей степени благотворным и поучительным: эффект присутствия, несомненно, пошел на пользу будущему реформатору, позволил получить конкретное непосредственное представление о ведущих европейских странах.

Но одно дело маленький оазис Европы в Москве и совсем другое - сама Европа, в которой в 1697 г. оказался двадцатипятилетний Петр I. А ведь в Немецкой слободе, как известно, проживали, мягко говоря, далеко не самые добропорядочные западноевропейцы. Великое посольство посещает разные страны, и Петра I живо интересуется государственным устройством этих стран. Но этот интерес не будет ошибкой назвать попутным, вторичным. Да, молодой венценосец не скрывает, что, согласно избранному им девизу «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую»⁴, стремится перенять на Западе все практически полезное и нужное для России. Но

в первую очередь он присматривается вовсе не к реалиям государственного и правового строя той или иной европейской страны, а занят выяснением новейших достижений науки и техники, градостроительства, военного дела, организацией промышленности, торговли, ремесел, а также пытается сам на месте лично постичь секреты мастерства.

Конечно, русский царь не оставил без внимания особенности структуры власти тех государств, в которых он находился. При всей экзотичности в глазах европейцев русского посольства российские дипломаты, не владевшие принятым при западноевропейских дворах этикетом и протоколом, тем не менее не роняли своего достоинства, соотнося поведение и манеры со значимостью представляемой ими державы. К примеру, никто из русской делегации не припал к руке курфюрста Пруссии и Бранденбурга Фридриха III, поскольку рукоцелование приравнивалось к воздаянию королевских почестей, то есть соответствовало бы признанию статуса, примерно равного статусу российского великого государя.

Во время Великого посольства Петр I побывал в странах, различных по уровню хозяйственного, политического и культурного развития, но, как правило, во многом опередивших Россию. Конечно, герцогство Курляндское, вассальное Речи Посполитой, трудно сравнивать с Пруссией или Австрией и уж тем более с Нидерландами и Англией - двумя находившимися на подъеме государствами, вошедшими в маршрутную карту Великого посольства. В обеих этих странах произошли буржуазные революции, что существенно изменило и политическую, и экономическую траектории их развития. Сближало эти государства и то, что штатгальтер Нидерландов Вильгельм III Оранский был также королем Англии.

Голландия в ту пору - самая богатая и преуспевающая страна Европы, великая морская держава. Мануфактуры, банки, фондовые биржи, страховые компании, огромный торговый флот, обширные колонии — все это были приметы и черты новой европейской экономической реальности.

Не менее передовой страной тогдашнего мира была Англия, славившаяся своим промышленным производством, размахом торговли, обладавшая бесспорными приоритетами в области науки и культуры.

Судя по источникам, в период пребывания как в Нидерландах, так и в Англии Петр I большую часть времени проводил на верфях и фабриках, чередуя работу и ученичество с посещением музеев, ботанических садов, научных лабораторий. Если говорить о культурной программе царя, то и опере, и драматическим спектаклям он предпочитал анатомические театры, балам - операционные и мастерские, светским приемам — ознакомление с университетами и обсерваториями.

В литературе существует тенденция рассматривать разноплановые петровские реформы как результат деятельности Великого посольства⁵. По-видимому, такой подход вполне оправдан и допустим, особенно в той части, которая касается фискальной сферы, системы налогообложения и других институтов государственного регулирования экономики, а также рычагов, обеспечивающих бесперебойное поступление доходов в казну и изыскание дополнительных источников их пополнения. Интерес Петра I распространяется и на организацию власти. Но не прямо и не всегда явно. Более того, ни один из вариантов организации власти и управления в странах, охваченных Великим посольством, кроме, пожалуй, Австрии, априори не мог устроить Петра I, поскольку уже по своей политической типологии эти страны не соответствовали не только искомым идеалам абсолютистского государства, но даже не дотягивали и до планки того объема, той полноты самодержавной власти, которые были характерны для сословно-представительной монархии в России. Что же касается Австрии, ее государственная практика была известна Петру I в большей степени, чем в

остальных странах Западной Европы. Видимо, поэтому рекордно короткий срок пребывания русского царя в Вене был обусловлен не только событиями в России, заставившими Великое посольство свернуть намеченную программу и ускорить возвращение.

Таким образом, имея возможность видеть в действии функционирование государственного механизма и политических институтов неабсолютистских государств, царь не пренебрегал ею и наблюдал, присматривался, пробовал, что называется, на зуб. По-видимому, особенно его интересовал на Западе потенциал надстройки. Именно так, вероятно, следует расценивать ознакомление Петра I 17 сентября 1697 г. в Гааге с работой Генеральных штатов и других высших органов власти. Республиканское устройство Нидерландов с выборными депутатами и ограниченными полномочиями штатгальтера Голландии Вильгельма III Оранского, очевидно, должно было произвести на Петра I не положительное, а, скорее, отрицательное впечатление. Вряд ли особо вдохновила его и английская парламентская система. Второго апреля 1698 г. он через слуховое окно на крыше отслеживал прения на совместном заседании Палаты лордов и Палаты общин. Известен шуточный отзыв Петра I на этот счет: «Весело слушать, когда подданные говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан»⁶. Конечно, в какой-то мере при организации Сената и коллегий, а в еще большей степени во взаимоотношениях со своими единомышленниками и сотрудниками царь использовал эти принципы открытой дискуссии и коллегиального решения вопросов, но на самом деле они были не только весьма далеки от английского или голландского парламентаризма, но порой и откровенно пародийны. Ведь в конечном счете предпринятая Петром I модификация государственного аппарата была нацелена на утверждение абсолютной монархии, на усиление роли, места и функций государства. Вместе с тем Петр I легко отнесся к увиденной в английском парламенте картине, воспринял ее с юмором и даже поощрительно отозвался о такой практике, как представляется, по той простой причине, что раболепие, преклонение и благоговение, которыми была окружена царская особа времен Московской Руси, претили натуре молодого монарха. Ни чванство, ни упоение азиатскими почестями не были ему присущи. И он сразу оценил преимущества простоты и удобства общения, не отягченного византийскими церемониями и унаследованными еще в Орде знаками повергания в прах перед всеильным владыкой.

По справедливому замечанию В.О. Ключевского, Петр I в ходе Великого посольства «искал на Западе техники, а не цивилизации»⁷. Его частое восклицание «Это я должен видеть и знать!» относилось, как правило, не к политической практике того или иного государства, а к кунсткамерам, арсеналам, мельницам, монетным дворам, оранжереям, садам и паркам, не говоря уж о центрах кораблестроения.

Из всех стран, в которых побывало Великое посольство, лишь Австрия, как было сказано, могла представлять для русского царя целенаправленный интерес с точки зрения, говоря современным языком, поучительной модели абсолютной монархии. Но как раз пребывание Петра I в Австрии было мимолетным и свелось, по существу, к скоротечной встрече с императором Леопольдом I, тогда как, к примеру, в Англии царь находился целых четыре месяца.

То есть получается, что основная польза уроков Великого посольства лежит в узкопрофессиональных сферах: кораблестроение, военное и инженерное дело и тому подобное и затрагивает государственное строительство лишь постольку, поскольку имеет отношение к системе обложения народа налогами, пошлинами, всякого рода податями и сборами. Во всяком случае, механизм пополнения казны, который был реализован на российской почве, - это, безусловно, и результат

следования фискальной системе в Европе.

Но помимо утилитарных заимствований были и фундаментальные, касающиеся государственного строительства. Причем это не сколько-нибудь крупные и значимые абсолютистские конструкции, а прежде всего инструментарий надстройки, уверенное перенимание и освоение которого связаны с Великим посольством.

Структура и механизм приведения в действие высших органов власти в государствах Западной Европы попадают в поле зрения Петра I не столько из-за того, что он собирается их воспроизводить, сколько по той причине, что в его намерения как раз не входит допустить нежелательное ограничение власти у себя. Не надо сбрасывать со счетов и того, что политическая практика посещенных стран интересует царя и в силу его врожденной природной любознательности, привычки и стремления во всем искать и находить рациональное зерно, из всего извлекать пользу.

Программы преобразований в современном семантическом смысле этого слова у Петра I не было. Стало быть, не стоит всякую европейскую фактуру, повторенную позднее в России как на микро-, так и на макроуровне, безоговорочно расценивать как претворение в жизнь каких-то долгосрочных планов и отождествлять с проектами, вынашиваемыми годами. Объективно говоря, для того чтобы строить абсолютизм, Петру I не было нужды брать уроки на Западе. Если уж на то пошло, он гораздо больше почерпнул бы в этом отношении на Востоке, будь это Османская империя, Иран или какое-то другое деспотическое государство. Но Россия и без того еще при Алексее Михайловиче по целому ряду позиций и параметров жила в режиме абсолютистского государства. Задача Петра I, если экстраполировать в общих чертах то, как он ее понимал, вероятно, состояла в том, чтобы подвести под сильную верховную власть военную, промышленную, финансовую, административную, коммерческую инфраструктуры. В идеале царь хотел видеть Россию рационально устроенным, справедливым и законодательно регламентированным государством. Но при этом он монтировал эту державу, сохраняя в неизблемости крепостничество, сословные градации, средневековые традиции, в том числе меры принуждения и насилия. Тут немаловажно отметить, что подневольными были не только крепостные, но практически все подданные. Ведь даже и для российского нобилитета в лице дворянства государственная служба была обязательной, неизбежной и тяжелой повинностью. Стало быть, сконструированное и модернизированное под руководством Петра I Российское государство мало походило на западноевропейские страны, но многим напоминало военно-бюрократические державы Азии.

То есть на повестке дня, по разумению Петра I, стояло не равенство на завоевания западной демократии, а ориентация на уже пройденные европейскими странами абсолютистские методы правления. А демократическими ценностями Россия, кстати, вовсе не была обделена: традиции земства, народного представительства были сильны. Имели место и попытки переструктурирования Московского царства в конституционную монархию.

Патерналистский тезис царя — подданных «яко детей» надлежит наставлять во всем и вся — не дает представления о социальной жесткости, крутизне и твердости добивавшегося своих целей преобразователя. Но брутальность и самодержавный экстремизм были обусловлены также устойчивостью и неподатливостью к переменам и новшествам самого народа, упорно державшегося за старое, привычное житье-бытье, не желавшего нововведений и сопротивлявшегося им. И Петр I без иллюзий констатирует: «Наши люди ни во что сами не войдут, ежели приневолены не будут»⁸.

Человек ясного и острого ума, царь быстро разобрался в том, что проекты и

благие намерения, гладко и красиво выглядевшие на бумаге, на русской почве осуществить по-европейски невозможно. Понимание того, что их реализация в европейской редакции не более чем утопия, пришло и в результате проб и ошибок. Собственно говоря, речь идет не о заимствовании целых систем, а о том, что берутся на вооружение фрагменты, частности, отдельные нюансы и детали. Причем мелочам Петр I терпеливо и настойчиво уделял не меньше внимания, чем каким-то достаточно серьезным и значительным начинаниям. Так, темперамент, энергия и жестокость, с которыми он боролся за европейский облик русского дворянина, на первый взгляд озадачивает. Но царь не считал свои хлопоты и усилия в этом направлении пустыми и напрасными. Как отмечал СМ. Соловьев, он сознавал, что в покрое платья выказывается разум народа⁹.

Основанное Петром I мощное государство по своей морфологии — сложный комплекс и традиционно русских, и западных, и восточных политических реминисценций и инноваций, порожденных на свет потребностями текущей ситуации и исторической конкретикой. Но главные составляющие того здания российской государственности, которое было воздвигнуто Петром I, — это абсолютизм, то есть форма правления, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть, и этатизм, то есть всеилие государства и приоритет государственных интересов над интересами как общества, так и частных лиц.

Петровскую модернизацию России неправомерно рассматривать вне контекста Великого посольства, пусть структурообразующие последствия этой познавательной и практически полезной миссии не всегда очевидны. Более всего взаимосвязь и взаимовлияние Великого посольства и развернувшихся в России в конце XVII - начале XVIII в. реформ прослеживаются в аккумулировании накопленных в течение полутора лет — а именно столько времени продолжалось посольство — практических навыков и полезной информации в области науки, культуры, техники.

Акультурация, приобщение России к европейскому опыту на уровне удовлетворения утилитарно-прикладных потребностей и запросов - вот важнейший итог Великого посольства и существенный феномен петровской модернизации. Особенностью освоения этого опыта была первоначальная локализация его главным образом в новопостроенном Петербурге, а затем уже его постепенное и не безболезненное распространение по стране. Новая столица, таким образом, как бы играла роль модели, на которую равнялись и по которой сверяли ход преобразований на местах. Но европеизация России имела свои пределы. Впрочем, глобальной вестернизации не предполагал и сам великий реформатор, который вполне прагматично однажды заявил: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»¹⁰

И все же царь Петр I был активным и неутомимым проводником и адептом европейских новшеств и западного опыта. В этом смысле его правомерно считать некой уникальной живой моделью. Ведь именно он задавал главный тон в развернувшихся преобразованиях, жестко и неумолимо, твердой рукой внедрял новые непривычные ценности и установления взамен старых и укоренившихся.

¹ Леонтьев К. Цветущая сложность: Избранные статьи. М., 1992. С. 15.

² Соловьев СМ. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Т. 13-14. С. 549.

³ Там же. С. 541.

⁴ Соловьев В.М. Аз... есмь в чину учимых// Библиотекарь. 1991. № 7. С. 60-64.

⁵ См.: Богословский М.М. Петр Великий (Опыт характеристики)//Три века России от Смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1992. Т. 3-4. С. 35. (Репринтное изд.); Платонов СФ. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 493.

⁶ Цит по: *Бурганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989. С. 42.

⁷ *Ключевский В.О.* Курс русской истории//Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 21.

⁸ Цит. по: *Жаринов Д.А.* Петр Великий как законодатель и «Правда воли монаршей» // Три века России от Смуты до нашего времени: Исторический сборник. С. 191.

'См.: *Соловьев СМ.* История России с древнейших времен. С. 549.

¹⁰ Цит. по: *Сивков К.В.* «Птенцы Петровы» // Три века России от Смуты до нашего времени: Исторический сборник. С. 101.